

УДК 130.2

МЕТАФОРА «ТВОРЯЩЕЙ ПУСТОТЫ» В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ БИНАРИЗМА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В.Б. Малышев

ФГБОУ ВО «Самарской государственной технической университет»,
г. Самара

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.4.159

Ставится вопрос о поиске семиотической и онтологической медиации между крайностями отечественного мышления, что приводит нас к идее гармоничного состояния российского сознания. Представлено рассмотрение метафоры «творящей пустоты» в русской культуре. Эта метафора рассматривается как первичная поляризация креативного пространства на трансцендентальном уровне, и в то же время как репрезентация отечественного мироощущения в целом.

***Ключевые слова:** метафора, семиотическая медиация, органичность русской культуры, творящая пустота.*

Преодоление одной из наиболее характерных черт российского сознания, *бинарности мышления*, остается важной задачей отечественной философии культуры. Духовные веяния Востока и Запада проходят через сердце русского человека, чтобы, претерпев трансформацию, стать точкой сборки новой реальности, нового мира. В текстах русской культуры вопрос об определенной бинарности российского сознания высвечивается в текстах культуры в разное время как в философии, так и в литературных текстах. В частности, он присутствует у Ф.М. Достоевского, А.К. Толстого, Н.О. Лосского, Н.А. Бердяева, И.А. Бродского, Ю.М. Лотмана. Переход от языка бинарных семиотических оппозиций [10] к языку, гармонизирующему систему кодов культуры, требует особой стратегии трансцендирования, выхода за пределы семиотической ограниченности сознания, мыслящего стереотипно и приземленно. В числе последних публикаций, проливающих свет на пути решения подобных проблем русской культуры, хотелось бы выделить работу М.Н. Эпштейна «Постмодернизм в России» [17], А.В. Водолагина «Русское познание Бога» [6], а также работы других исследователей, раскрывающие некоторые аспекты поставленной проблемы) [1; 2; 9; 11; 13; 15; 16].

Несомненно, что понятийного инструментария недостаточно для изучения текстов отечественной культуры, религиозных, философских, а также литературных. Наиболее продуктивным, эвристически оправданным было бы описание реальности российской культуры в различ-

© Малышев В.Б., 2021

ных исторических проекциях на языке когнитивных метафор. При этом важно отметить, что в философии культуры, культурологии в целом и эстетике важнее сама изучаемая реальность, а не методология ее изучения. Важно понять, что на поприще философии культуры, культурологии в целом и эстетике метафора, не отрицая понятие, восполняет его эмпирическую недостаточность. Большое значение для понимания места и роли метафоры в исследованиях фактов культуры имеют историческая семантика и теория метафоры (Ф.Р. Анкерсмит, М. Блэк, Х. Ортега-и-Гассет, П. Рикер, Х. Уайт, Дж. Лакофф, М. Джонсон и др.).

Отправной список «бинарных оппозиций» российского сознания, приводимый Н. Бердяевым в работе «Русская идея», является своеобразной классикой жанра: «деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядоверие и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм... смирение и наглость; рабство и бунт» [3, с. 7]. Так как амплитуда колебаний между крайностями бытия велика, бинарность русского мышления часто выливается в некий максимализм.

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

А.К. Толстой

Несомненно, жесткие бинарные оппозиции в русском мышлении, как будто бы, неустранимы. Но так ли это на самом деле? Предположим наличие некой универсальной медиации, которая есть в текстах культуры, но которую мы не видим. Поиск семиотической и онтологической медиации между крайностями отечественного мышления приводит нас к той самой идее гармоничного состояния российского сознания, поиск которого является целью настоящего исследования. Увы, несмотря на то, что на эту тему сказано немало, бинарность русского мышления останавливается перед неким метафизическим пределом, где происходит прорыв в трансцендентное измерение. В частности, стоило бы привести пример из Н.Я. Данилевского, когда он говорит о том, что в случае России все реформы, перемены, трансформации «происходят в глубине народного духа, незримо и неслышимо...», при этом русский народ «отрешается внутренне от того, что подлежит отмене или изменению, борьба происходит внутри народного сознания» [7, с. 259]. Внешние противоречия, как в водовороте, исчезают в бездне подсозна-

ния народа, чтобы, претерпев трансформацию, выйти наружу – вопрос, в какой форме происходит этот выход, конструктивной или деструктивной. Это сродни сложной органике появления нового существа либо «из ничего», ex nihilo, либо благодаря сложным процессам алхимического вызревания. Последнее символизируется образами, как правило, поверхностно (и ложно) интерпретируемыми как образы лени и праздности – Емели-на-Печи, Обломова и обломовского образа жизни [9], образ Оли Мещерской у И. Бунина. В «Легком дыхании» И. Бунина очень просто описывается процесс алхимического формирования психосоматики молодой девушки: «без всяких ее забот и усилий и как-то незаметно пришло к ней все то, что так отличало ее в последние два года из всей гимназии, — изящество, нарядность, ловкость, ясный блеск глаз» (И. Бунин. «Легкое дыхание» [4]).

Русскому сознанию нужен высший смысл бытия, диапазон ценностей, которые ведут и зовут за собой. Подобный набор культурных кодов, как некая программа жизни, запечатлен в текстах русских волшебных сказок. Иное, Тридевятое Царство есть истинная реальность, преобразования в которой предопределяют позитивное изменение в обыденной реальности [15]. Только путешествие в Иное царство и сакральная победа над потусторонними силами зла позволит главному герою сказки изменить ход событий в этом мире. Возвращение к своим истокам есть особого рода возврат к начальному состоянию, но в новом качестве, к примеру, это путь главного героя русской волшебной сказки (например, по В.Я. Проппу, все заканчивается свадьбой и воцарением) [14]. Это «многоцелевой» проект, результат целой серии бифуркаций. Преобразование действительности, преображение самого себя за счет погружения в глубины духа, алхимический брак как достижение внутренней гармонии, исцеления себя, своей и общей реальности. В силу вышеуказанных причин христианская идея о грядущем Царстве Божьем на земле получает достойную почву для своего существования и приобретает особый смысл, как базовый императив русской идеи.

То самое особое состояние – «безмолвие» народа, «привычка молчать», помимо прочего, может быть понято как признак некоего алхимического процесса [1]. Молчание души есть и обращенность к молчанию той самой «шири» без конца... Молчание расщепляет сознание на сегменты, подобно лучикам духовного светила, по тому же принципу русское безмерное пространство рисует душе безграничное число путей, вариантов самореализации. «Глаза» ищущего субъекта разбегаются среди возможностей и разных дорог. И здесь возникает извечная развилка выбора между «алхимическим браком» с Западом или Востоком, как это показано в романе В. Пелевина «Чапаев и Пустота» [12]. Культурный маскарад заимствований с Запада, начиная с петровских преобразований, предстает в противоречивых красках, выигрывая по форме, но не соответствуя вполне трансцендентальным особенностям ментали-

тета. Именно «обломовская» созерцательность способна направить непрозрачную мглу сознания русского народа в созидательное русло. Но не полужайки-народники, но не большевистские агитаторы, активирующие стихию разрушения, «разруху в головах». «Медлительность русской изысканной речи», о которой говорил К. Бальмонт, символизирует трансцендентальную прагматику отечественного мышления, которая многие годы и даже века накапливает и внезапно выплескивает свою пассионарную энергию – внезапно, сокрушительно, необратимо.

Как правило, маркер *ex nihilo*, «из ничего», семантика восточной «великой пустоты», означает неверифицируемость духовного начала в рациональном осмыслении начал русской культуры. Еще более определенно подтверждают указанную интенцию хрестоматийные тексты, известные нам со школьной скамьи, достаточно вспомнить произведения Л.Н. Толстого, статьи Н.А. Добролюбова. Вспомним описание характера Катерины из статьи Н.А. Добролюбова: «Ничего нет в нем внешнего, чужого, а все выходит как-то изнутри его; всякое впечатление перерабатывается в нем и затем срастается с ним органически» [8].

Органические метафоры укоренены в литературных описаниях, отсылая уже, к тончайшим трансцендентальным основаниям российского миропонимания. Природность и органичность такого мироощущения Н.А. Добролюбов выражает следующим суждением о русском национальном характере: «Он водится не отвлеченными принципами, не практическими соображениями, не мгновенным пафосом, а просто натурой, всем существом своим» [8]. На самом деле подобные образы, прежде всего, должны пониматься как приоритет «органики» над «механикой», естественного – перед искусственно насаждаемым. Органичность лучше понять не столько как семантику и прагматику «организма» (организм все равно есть нечто «сотворенное», «машинка» Природы), но лучше – из самой Природы, творящей как причины самой себя (греч. «фюсис»).

В противовес схоластическим канонам, творение как воля Бога и изначальность ничто как фон, на котором происходит непрерывное творение мира, в российском сознании соединяются. Именно такое парадоксальное соединение характерно для русского сознания, в отличие от западного, где креативность божественного и негативность тварного четко разведены (в частности, об этом писал Иоанн Скот Эриугена в трактате «О разделении природы»). Итак, духовная реальность русского человека скорее органически вызревает изнутри, чем формируется по некоему алгоритму внешними силами. Органика творения собственного мира в окружающей косной стихии жизни несет в себе особую семантику и прагматику. Здесь применима особая метафора – метафора творящей пустоты. Это и первичная поляризация культурного вакуума на трансцендентальном уровне, но это в то же время репрезентация отечественного мироощущения в целом. Именно в этом понятии видим мы

онтогносеологические ключи к преодолению бинаризма, антагонистических интенций российской культуры. Более верным мог стать термин «творящее ничто», в полном соответствии с традицией западного креационизма, но в нем нет семантики бесконечного пространства, нет отсылок к презумпции широты русской души. Это некий «имагинативный абсолют» расширенного сознания, существующего по собственным законам, законам воображаемого [7]. При этом несомненно, что историко-географические особенности формирования русского народа, русская природа, необъятные просторы России, сыграли важнейшую роль в формировании российского сознания.

За снегами, лесами, степями
Твоего мне не видно лица.
Только ль страшный простор пред очами,
Непонятная ширь без конца.

А. Блок. Новая Америка

В русских былинах также есть очень простой и наглядный образ, отсылающий к состоянию творящей пустоты. Это «чисто поле», некое усредненное изначальное состояние всего на свете, где присутствует изначальная свобода и возможность творчества (выбора сценария деятельности).

Едет добрый молодец да во чистом поле,
И увидел добрый молодец да Латырь камешек,
И от камешка лежит три росстани...

Три поездки Ильи-Муромца. Былина [5]

«Чисто поле» – это простой поэтический образ российского пространства, это и изначальность состояния свободы духа человека, который вступает в схватку со злом, например, со «Змеем», олицетворяющим хаос, косность. Однако «чисто поле», как некий поливалентный и многофункциональный образ, «слово-бумажник» – далеко не единственная репрезентация творящей пустоты в русской культуре.

В российском сознании сосуществуют духовная нищета тоталитарной власти и избыточность пассионарной дионисийской стихии народа, который «все стерпит». У Н.Н. Алексеева высказанная нами идея звучит как соотношение в русской ментальности «начала диктатуры» и «начала вольницы» [2, с. 116]. Но здесь есть свои нюансы семантики власти, достаточно противоречивые. Н. Бердяев замечает, что исторически преобладает следующая типовая схема. «Московское царство было тоталитарным по своему принципу и стилю. Это была теократия с преобладанием царства над священством. И вместе с тем, в этом тоталитарном царстве не было цельности, оно было чревато разнообразными расколами» [3, с. 15]. Да, но чем тогда по существу (по сути, а не по форме) отличается такое царство от усредненной европейской модели властвования, например, от папской теократии эпохи Борджиа? В последнем случае над царством преобладает «священство», но содержание

происходящего мало меняется – люди бездуховны, несмотря на внешнюю набожность. И в том, и другом случае правитель, стяжающий под любым предлогом материальные блага (все равно как сказать – «государственное священо» или «священное государственно»), бесконечно далек от своего народа, склоняясь к максимуму власти и материального благополучия. Хотя, конечно, такой правитель рассекает духовное сознание «по частям», переводя духовность лишь в ограниченную плоскость обрядов, ритуалов, религиозного, правового и философского дискурса. В этом случае срабатывает механизм защиты, и тогда духовность растворяется в безднах народного сознания, сворачивается в ограниченный количественно набор фольклорных символов, а затем извлекается на свет, переводится в актуальное состояние в литературном творчестве, в частности, в поэзии. Яркий пример – творчество А.С. Пушкина, впитавшего дух народной культуры, как известно, особенную роль здесь сыграла няня А.С. Пушкина, Арина Родионовна.

В русской культуре есть важный нюанс: в ней вместо «публичности» существует «народность», присутствует яркая, словно сама мать-Земля народная стихия, по сути стихия дионисийская, с одной стороны, и жесткая проекция централизованной власти, духовно пустая, но внешне аполлоновски-благообразная, любящая всевозможные символы, знаки величия и непревзойденные регалии... Посмотрев вокруг, на реалии современной России, мы можем в очередной раз убедиться в стойкости указанного бинарного архетипа. Однако структурная основа российского архетипа остается, при этом семантические элементы для подстановки могут претерпевать инверсию. Вместо «народ безмолвствует» – «циничное молчание» «верхов» по самым насущным вопросам, вместо традиционной российской «вольницы» – демарши интеллектуально и духовно ограниченной, прозападно настроенной среды маргиналов. Из западной цивилизации в русскую, как правило, исторически попадает внешний формальный элемент, не приживаясь органически на отечественной почве (ср. крыловское «заграничные наклейки», грибоедовское «мундир! один мундир!», добролюбовское «недостаточность внешности» для русской души, недовольство окружающей косной средой). Дихотомия сохраняется, но золотая середина так и не обозначена в полной мере.

Таким образом, для российского сознания характерны различные *бинарные оппозиции*, в частности, парадоксальное сочетание деспотических и анархических интенций, коллективизма и индивидуализма, стремления к максимальной свободе и рабской покорности. Бинарность русского мышления проецируется на систему культурных кодов и социальных отношений [11]. Черета заимствований с Запада, начиная с петровских преобразований, вступает в противоречие с трансцендентальными особенностями отечественного менталитета. Созерцательное отношение к действительности является важным эвристическим ресурсом

в осмыслении и закреплении культурных заимствований. Именно спокойная глубокая созерцательность способна направить сознание русского человека в созидательное русло. Духовная реальность русского человека не алгоритмична, не механистична, она органически вызревает изнутри. Органика творения своего уникального мира в текстах культуры приобретает особую семантику и прагматику. Ключевую роль в этом процессе выполняет особая метафора – метафора творящей Пустоты. Это и первичная поляризация креативного пространства на трансцендентальном уровне, и в то же время семантика творящей пустоты – репрезентация отечественного мироощущения в целом.

Список литературы

1. Алексеев М.П. Реплика Пушкина «Народ безмолвствует» // Алексеев М.П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. С. 208–239.
2. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. 640 с.
3. Бердяев Н.А. Русская идея. СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. 320 с.
4. Бунин И.А. Темные аллеи. М.: Эксмо, 2020. 288 с.
5. Былины. М.: Современник, 1991. 767 с.
6. Водолагин А.В. Русское познание Бога. Философия духа в России. М.: Вече, 2019. 352 с.
7. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: АСТ, 2019. 704 с.
8. Добролюбов Н.А. Луч света в темном царстве. [Электронный ресурс] URL: <https://ilibrary.ru/text/1492/p.1/index.html> (дата обращения 10.09.2021)
9. Лихоманов И.В. Восточный халат Ильи Ильича Обломова и метафизика обломовщины // Идеи и Идеалы. 2018. Т. 2, № 3(37). С. 152–168.
10. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 448 с.
11. Межуев Б.В. Есть ли у России свой «цивилизационный код», и в чем он может заключаться? // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 35–47.
12. Пелевин В.О. Чапаев и Пустота. М.: Эксмо-Пресс, 2017. 416 с.
13. Попова С.В. Ценностные архетипы русского народа // Общество: философия, история, культура. 2020. № 3 (17). С. 13–15.
14. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Азбука-классика, 2021. 256 с.
15. Седых О.М. Е.Н. Трубецкой: доминанты сказочных повествований // Человек. 2014. № 3. С. 160–169.
16. Фаритов В.Т. Идея вечного возвращения в русской поэзии XIX – начала XX в. СПб.: Алетейя, 2018. 290 с.
17. Эпштейн М.Н. Постмодернизм в России. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. 608 с.

**THE METAPHOR OF THE «CREATIVE VOID» IN RUSSIAN
CULTURE AS A WAY TO OVERCOME BINARISM:
TO THE STATEMENT OF THE PROBLEM**

V.B. Malyshev

Samara State Technical University, Samara

The question is raised about the search for semiotic and ontological mediation between the extremes of Russian thinking, which leads us to the idea of a harmonious state of Russian consciousness. The article presents the consideration of the metaphor of the «creative void» in Russian culture. This metaphor is considered as the primary polarization of the creative space at the transcendental level, and at the same time as a representation of the national worldview as a whole.

Keywords: *metaphor, semiotic mediation, the organicity of Russian culture, creative void.*

Об авторе:

МАЛЫШЕВ Владислав Борисович – доктор философских наук, профессор ФГБОУ ВО «Самарской государственной технической университет», г. Самара. E-mail: vlmaly@yandex.ru

Author information:

MALYSHEV Vladislav Borisovich – PhD (Philosophy), Professor of the Samara State Technical University, Samara. E-mail: vlmaly@yandex.ru